Карелова Л.Б.

Идеи корпоративной социальной ответственности в Японии и национальная духовная традиция

Начиная с 1970-х гг. в Америке и Европе идеи корпоративной социальной ответственности заняли важное место в теории и практике бизнеса.

В первоначальном смысле корпоративная социальная ответственность (КСО) означала ответственное поведение по отношению к различным группам акционеров, однако практически сразу после появления этого понятия его стали трактовать значительно шире, включая в него также учет интересов работников, местных сообществ, проблем экологии, изменения климата и т.д. Методы управления в данном контексте подразумевают системы, процедуры, которые способствуют открытости, прозрачности организации в социально-экономической деятельности и направлены на устойчивое развитие общества не только в настоящем, но и в будущем. Эта общепринятая терминология в разных странах наполняется собственным содержанием и существует наряду с другими терминами, выработанными в национальных языках.

Исследования бизнес-этики разных стран указывают на наличие культурных паттернов, мыслительных парадигм, ценностей, которые оказывают влияние на ее терминологию и пути концептуализации. Поэтому проблемы социальной корпоративной ответственности затрагивают не только сферы экономики, управления и менеджмента, но и культуры, религии и философии.

Термин «корпоративная социальная ответственность» приобрел популярность в Японии в начале 2000-х гг., и с этого времени количество исследований на данную тему в японской научной литературе стало расти в геометрической прогрессии. Практическое воплощение принципов КСО на японских предприятиях стало неотъемлемой нормой. Начиная с 2000-х гг. японские компании стали организовывать специальные отделы, регулирующие социальную корпоратив-

ную ответственность, и публиковать ежегодные отчеты о своем вкладе в общественное благосостояние.

Инициатива развития и воплощения принципов КСО исходит как от предпринимателей, так и от ученых – специалистов в разных областях. При этом, используя терминологию КСО, утвердившуюся в мире, японцы не перестали связывать идеи и принципы корпоративной социальной ответственности с собственной этической традицией. Они прежде всего обращают внимание на наличие в японской трудовой этике эпох Токугава (1603–1868) и Мэйдзи (1868–1912) идей, созвучных КСО.

И в первую очередь это касается этических кредо, содержащихся в уставах и уложениях торговых домов, в которых получили своеобразное преломление буддийская и конфуцианская мысль. Американские исследователи, изучающие КСО японских компаний, отмечают, что они склонны избегать жесткого административного регулирования в этой области, как это принято в американских компаниях, а предпочитают культурные механизмы регулирования, связанные с философией и этикой[1]. Отчасти эта особенность может быть объяснена сохранением в Японии значительного числа крупных бизнесов, имеющих более чем 100-летнюю историю и сохраняющих духовную преемственность.

Примечательно, что, по мнению авторов «Глобального обзора бизнес-этики», в европейской бизнес-этике господствует инструментальный подход, в последнее время все большее внимание уделяется разного рода технологиям, а философская составляющая постепенно уходит на задний план[2]. В то же время в Японии философско-этическому аспекту придается по крайней мере внешне весьма серьезное значение.

В последние годы в программных лозунгах японских компаний стали неизменно присутствовать выработанные еще в период Токугава этические максимы конфуцианского и буддийского происхождения. Они подчас занимают центральное место в декларациях по КСО бизнес-сообществ, к примеру в Декларации о корпоративном социальном содействии, выпущенной в 2007 г. Комитетом по корпоративной социаль-

[1] See: *Lewin A.Y., Sakano, T., Stephens, C.U. and others*. Corporate Citizenship in Japan: Survey Results from Japanese Firms // *Journal of Business Ethics*. 1995. 14 (2). P. 95.

[2] См.: Global Survey of Business Ethics in Teaching, Training and Research. Geneva, 2012. C. 245.

ной ответственности и этике Ассоциации корпоративных руководителей района Кансай[3]. Идеи, которые сегодня инкорпорированы в КСО, помимо чисто этической значимости с давних пор были призваны обеспечить устойчивость и жизнеспособность предприятия. Сами по себе долгосрочность существования и сохранение семейного имени-бренда были ценностью и целью, к которой семейная фирма стремилась.

В исследованиях, посвященных КСО, обязательно прослеживается преемственность современных идей с национальной этической традицией и ее религиозно-философскими основаниями. Поэтому в настоящей статье представляется важным еще раз рассмотреть совокупность этих положений, сравнив их первоначальный и современный смыслы.

Одним из таких традиционных оснований, имеющих корни в японском буддизме, является концепция «получение пользы для себя, принося пользу другим» (*дзири-рита*), *букв.* «польза себе – польза другим». Одноименный емкий лозунг присутствует в уставах многих японских компаний. К примеру, если зайти на сайт Sumitomo Life Insurance, то можно увидеть следующую формулировку ее программного лозунга: «Получение пользы для себя, принося пользу другим, единство общественного и личного». Смысл этого лозунга разъясняется следующим образом: «Предприятие Сумитомо, получая собственную выгоду, должно приносить пользу государству и обществу. Будучи частной организацией, оно в то же время является общественным инструментом»[4].

Концепция, выраженная формулой «достижение пользы (блага) для себя, принося благо другим» (санскр. *svārtha-parārtha*, яп. *дзири-рита*), связана с представлениями об идеале и практике бодхисатвы в буддизме махаяны. В махаянистских сутрах понятие «принесения пользы себе и другим» (*svaparārtha*) появилось в контексте противоположения бодхисатв архатам и пратьекабуддам, которые нацелены только на собственное освобождение, т.е. стремление к пользе для себя (*svārtha, ātmārtha,* ātma-hita). Бодхисатва откладывает свое вхождение в нирвану ради приведения к просветлению других живых существ. На пути к достижению состояния будды он исполняет свой

---

[3] Kamigata Declaration of Corporate Social Contributions. In Pursuit of Ambitious Corporate Management. Committee on CSR and Corporate Ethics Kansai Association of Corporate Executives (Kansai Keizai Doyukai) // www.kansaidoyukai.or.jp/.../070514CSR・kigyorinri

[4] См.: [Электронный ресурс]: http://www.sumitomolife.co.jp/about/csr/group/tradetional.html#header

обет по спасению всех живых существ. Таким образом, деяния бодхисатвы имеют две взаимосвязанные стороны – собственное продвижение к состоянию будды, или собственное обретение блага, и приведение к этому состоянию других, или принесение блага другим.

Японские мыслители акцентировали совпадение принесения пользы другим и обретения собственной пользы в практике бодхисатвы, допуская осуществление такой практики в обыденной жизни. В частности, еще основатель школы Тэндай, Сайтё (767–822), в трактате «Рассуждение, поясняющее заповеди» («Кэнкайрон»), посвященном образу бодхисатвы, писал: «Заповеди бодхисатвы не предписывают стремления только к собственной пользе. Но принесение пользы другим собственно и есть получение пользы для себя»[5]. Сайтё не отрицал возможность становления на путь бодхисатвы для мирян, хотя в его эпоху буддийское учение было ориентировано преимущественно на достижение спасения в стенах монастырей и воплощением его идеала был бодхисатва-монах.

Идеи ***дзири-рита*** получили дальнейшую разработку в буддийской мысли периода Камакура (1192–1333), в центре внимания которой были проблемы спасения обычного человека – не только монаха, но и мирянина, занятого повседневным трудом.

Прежде всего известны формулировки этих идей в направлениях Дзэн и Син.

Догэну (1200–1253), основателю школы дзэн-буддизма Сото, принадлежит формулировка «закон принесения пользы един». В сочинении «Четыре составляющих практики бодхисатвы» («Бодайсатта сидзёбо»), входящем в «Сокровищницу сути истинного учения» («Сёбогэндзо»), он выделял в качестве одного из основных аспектов деятельности бодхисатвы принесение пользы (блага) людям. Под принесением пользы Догэн понимает как пользу, приносимую другим людям, так и пользу, приносимую себе. В этом контексте он писал: «Глупцы думают, что если на первый план ставить пользу для других, то собственная польза должна будет убавляться, однако это не так. Закон принесения пользы един [тождествен], повсеместно польза достигается обоюдно [взаимно]. А именно – ошибочно противопоставлять пользу для других и собственную пользу. В широком смысле польза [благо] предоставляется и себе и другим»[6].

---

[5] *Сайтё*. Кэнкайрон (Рассуждение, поясняющее заповеди) // Нихон-но мэйтё (Великие произведения Японии). Т. 3. Токио, 1984. С. 111.

[6] *Догэн*. Сёбогэндзо (Сокровищница сути истинного учения). Т. 4. Токио, 1972, С. 367.

Синран (1173–1262), основатель школы Син амидаистского направления, в поэтическом собрании «Гимны о Чистой земле» («Дзёдо васан») выразил идею *дзири-рита* в первой строфе 37-го гимна: «Достижение пользы для себя [буддой Амида] и принесение пользы другим совершенным образом воплотилось [в Чистой Земле]» (*дзири рита эмман ситэ*). Максима «совершенное воплощение обретения собственной пользы и принесения пользы другим» в Син-буддизме стала выражением взаимообусловленного обретения состояния будды бодхисатвой и перерождением в Чистой Земле других живых существ. Важно отметить, что именно в Син-буддизме впервые были отменены различия между священством и мирянами в соответствии с теорией Синрана «ни монахов, не мирян» (*хисо хидзоку*).

Син-буддизм – один из важнейших религиозно-культурных феноменов, составивших духовную основу модернизации Японии. Пика своего влияния он достиг именно в период Токугава. К 1850 г. существовали около 10 тысяч монастырей этой школы, которые формировали субкультуру эпохи Токугава[7]. Идеи Синрана довольно длительное время оказывали влияние на широкий круг людей. Территориально-историческая провинция Оми, где коммерческая деятельность развивалась наиболее активно, входила в регион влияния этой школы.

Поскольку реализация пути бодхисатвы в махаяне, особенно в дальневосточном ее варианте, стала рассматриваться как доступная для каждого буддиста, в том числе и мирянина, указанная формула приобрела здесь всеобщий характер. Польза стала восприниматься как благо просветления, которое означает трасформацию сознания, дающую возможность свободного и комфортного существования в данной жизни, достижения успеха на том или ином поприще.

Так, в период Токугава начали распространяться учения, которые не только допускали достижение состояния просветления в мирской жизни, но и отождествляли повседневный труд в миру с буддийской практикой. Ярким примером являются взгляды буддийского мыслителя Судзуки Сёсана (1579–1655), выраженные им в «Руководстве в повседневной жизни для четырех сословий» («Симин нитиё») и обращенные к ремесленникам: «Все занятия без исключения являются буддийской практикой. Достижение состояния будды возможно лишь на основе действий людей. Не может существовать работы, которая была бы вне буддийской практики. Следует знать, что все, что вы де-

[7] *Amstutz G.* World Macrohistory and Shinran's Literacy // Pacific World (Journal of the Institute of Buddhist Studies). Third Series. Fall 2009. № 11. С. 260.

лаете, совершается ради блага всего мира... Любое занятие, как только оно появляется, начинает служить миру... Достижения, появившиеся в великом множестве, существуют на благо мира, все они есть не что иное, как проявление милости единого Будды в действии»[8]. В наставлениях крестьянину сказано следующее: «Земледелие и есть буддийская практика. Когда ваши помыслы не праведны, земледелие является низким занятием. Если ваша вера тверда, то оно станет деянием бодхисатвы»[9]. Торговцам Судзуки Сёсан адресовал такие слова: «Когда вы будете заниматься торговлей, отбросив все привязанности и не имея корыстных устремлений... ваша прибыль увеличится, и вы станете состоятельным человеком... Естественным образом достигнув состояния *бодхи* в своем сердце, вы ощутите чудесную радость нирваны, а это значит, что, став человеком, обладающим великой, ни чем не ограниченной свободой, вы будете самостоятельно прокладывать свой путь между Небом и Землей»[10]. Аналогичные высказывания можно встретить и у представителей школы Сэкимон сингаку, основанной Исидой Байганом (1685–1744) и снискавшей большую популярность среди городских сословий Японии сер. XVIII – сер. XIX в.

Неслучайно, что эти идеи были восприняты предпринимателями эпохи Токугава и были положены в основу уставов и конституций торговых домов, наставлений их глав своим потомкам. Наиболее известным является высказывание основателя корпорации Итотю, Ито-Тюбэя (1842–1903): «Торговля есть деяние будхисатвы».

Таким образом, с одной стороны, коммерция, трактуемая как служение всему миру, получала моральное оправдание, и с помощью формулы *дзири-рита* легитимизировалось получение прибыли, с другой стороны, складывалось представление о том, что долгосрочный комерческий успех, процветание и устойчивость предприятия возможны лишь, если его деятельность ставит во главу угла не получение прибыли любой ценой, а руководствуется прежде всего интересами общества.

Мирская польза и благо духовного освобождения, обозначаемые одним и тем же иероглифом *ри,* стали сближаться по смыслу. Причем если в конфуцианской традиции стремление к выгоде, пользе нередко

---

[8] *Судзуки Сёсан.* Руководство в повседневной жизни для четырех сословий («Симин нитиё»: пер. с яп.) // *Карелова Л.Б.* У истоков японской трудовой этики. История в портретах. М., 2007. С. 56.

[9] Там же. С. 55.

[10] Там же. С. 59–60.

рассматривалось как недостойное занятие «маленького человека»[11], то в буддизме это понятие изначально несло в себе этически положительный смысл.

Еще одна программная идея, лежащая в основе принципов КСО японских компаний, – это идея «удовлетворения трех сторон», или «достижения блага для трех сторон» (*сампоёси*), которая, как будет показано ниже, также имеет буддийское происхождение и также связана с представлениями о пути бодхисатвы в дальневосточной махаяне.

Лозунг «достижения блага для трех сторон» выступает в качестве ключевой максимы в деятельности корпорации Итотю (у нас более известной как Иточу), основанной Ито Тюбэем в конце XIX в. и являющей одной из крупнейших в мире многопрофильных торгово-финансовых и инвестиционных компаний.

На сайте корпорации в разделе КСО декларируется следующее: «Мы, Корпорация Итотю, убеждены, что компании также являются членами общества, что, не сосуществуя с обществом в качестве добропорядочного корпоративного члена и не отвечая его потребностям через свою деятельность, компания не может оставаться стабильной, что корпоративная социальная ответственность направлена на то, чтобы играть роль в построении устойчивых обществ посредством бизнес-активности. Этот подход продиктован философией «достижения блага для трех сторон», выработанной торговцами провинции Оми, явившейся краеугольным камнем, на основе которого наш основатель Тюбэй Ито построил свой бизнес»[12]. Идея *сампоёси*, ставшая его жизненным девизом, была сформулирована им в 1872 г. в Уставе его торгового дома так: «Торговля – это деяние бодхисатвы. Она является благородным занятием, когда соответствует духу Будды, принося благо тому, кто продает тому, кто покупает, и удовлетворяет потребности всего общества». Принципы «достижения блага для трех сторон» – ключевые в программах КСО также и многих других компаний, таких как Нисикава сангё лтд (производитель и дистрибьютор товаров домашнего интерьера), корпорация Wacoal (производитель одежды), Nippon Life Insurance и др.

Японские исследователи понятия *сампоёси* связывают его происхождение с практикой первой из шести парамит бодхисатвы – *дана-парамита*, или совершенством даяния, щедростью. Она предполагает как передачу буддийского учения, так и материальной помощи, со-

[11] «Благородный муж думает только о долге/справедливости, маленький человек думает только о выгоде» («Лунь юй», IV, 16).

[12] [Электронный ресурс]: http://www.itochu.co.jp/en/csr/itochu/philosophy/

чувствия и поддержки. При этом даяние должно быть полностью свободно от какой-либо привязанности к тому, кому оно адресовано, или к самому передаваемому предмету, а также от ожидания благодарности или награды.

Иначе говоря, даяние в буддизме предполагает не обладание собственной природой, или пустотность всех трех сторон акта даяния, а именно – дающего, получающего и того, что передается. Это условие подлинного даяния обозначается понятием «тройная чистота даяния» trimandala-pariśuddha (яп. *санрин сёдзё*). Даяние из чистых побуждений становится благом как для дающего, так и для получающего, и одновременно способствует преобразованию всего мира. Рассмотрению связи между двумя понятиями посвятил ряд исследований профессор Университета Рюкоку Абэ Дайка. Он показал, что представление о чистоте помыслов дающего в буддизме повлияло на сложившийся в среде горожан периода Токугава образ хорошего бескорыстного предпринимателя, который изо всех сил заботится в первую очередь о благополучии покупателя. Осуществляя свою милосердную деятельность, он приносит пользу себе и тому, кому эта деятельность адресована. Вещи и услуги, представляемые предпринимателем, выступают в качестве проводников между ним и покупателем. Их нужность людям, приносимое ими удовлетворение становятся свидетельством чистоты деятельности их поставщика. Польза, приносимая посредством этих вещей, соответствует благу третьей стороны, т.е. всего общества[13].

Сегодня предприниматели, живущие в секуляризированном обществе и использующие указанные лозунги, в большинстве своем, разумеется, руководствуются не религиозной мотивацией, которую эти лозунги в себе изначально несли. Однако этический посыл, состоящий в восприятии любой деятельности как миссии, направленной на улучшение жизни локальных сообществ и мира в целом, продолжает оставаться нравственным регулятором для сегодняшних японцев.

Также нельзя не остановиться на привлечении конфуцианской традиции к концептуализации КСО в Японии.

В частности, издревле обсуждаемые в конфуцианской мысли дилеммы долга и выгоды, личного и общественного, нашли свое выражение в документах, связанных с темами КСО.

[13] См.: *Абэ Дайка*. Буккё-но кэйэйкан ни кансуру обоэгаки. Сёбай ва боссацу-но вадза (Заметки о буддийском взгляде на предпринимательство. Коммерция – есть деяние бодхисатвы) // Кэйэйгаку ронсю (Журнал бизнес управления). Т. 49, № 4 (март 2010). С. 87–88.

К примеру, корпорация Симидзу декларирует свою приверженность принципам в области КСО, сформулированным выдающимся предпринимателем эпохи Мэйдзи и последователем конфуцианского учения Сибусавой Эйити (1840–1931) в его сочинении «"Лунь юй" и счеты» («Ронго то соробан»), провозглашающим единство этики и экономики[14]. В 1887 г. Сибусава был назначен старшим советником предприятия Симидзу, занимающегося с 1804 г. строительным бизнесом. Компания Санкё пегасус, работающая в сфере продажи топлива и нефтепродуктов, выражает свое кредо в области бизнес-этики и КСО, используя цитаты из сочинения мыслителя-синкретиста, сформулировавшего этические принципы торгового сословия эпохи Токугава, Исиды Байгана (1685–1744) («настоящий торговец заботится не только о своем становлении, но и становлении противоположной стороны»[15], являющейся перефразом формулировки золотого правила нравственности в «Лунь юе»).

Важной составляющей этических воззрений Исиды Байгана и Сибусавы Эйити стала интерпретация соотношения между стремлением к личной выгоде и долгом, являвшейся одной из проблем конфуцианского учения. Исида Байган опровергал мнение о том, что человек, стремящийся к прибыли, непременно причиняет вред другим. Выгода, по его убеждению, может быть только обоюдной. Личная выгода напрямую связывалась с выгодой и процветанием всего народа, государства. В том случае, если выгода является односторонней, на самом деле – это лишь видимость выгоды, которая затем обращается своей противоположностью. Эта линия была продолжена Сибусавой Эйити, лейтмотивом этических воззрений которого стало утверждение нравственных принципов предпринимательской деятельности. Он обращал внимание на ошибочность представления о несовместимости долга и выгоды, которое сложилось, по его мнению, благодаря тенденциозным комментариям неоконфуцианцев на «Лунь юй» и «Мэн-цзы»: «Наставление Мэн-цзы гласит: "Долг и выгода едины – это непосредственно обнаруживает человек, который читает конфуцианское Четверокнижие. В качестве примера ошибочного истолкования этой мысли можно привести высказывания великого конфуцианца эпохи Сун, Чжу Си, принижавшего стремление к обогащению и выгоде... В результате неправильного толкования учения Конфуция и Мэн-цзы дух коммерсантов, занимающихся по-

[14] См.: [Электронный ресурс]: http://www.shimz.co.jp/csr/ethics/index.html
[15] См.: [Электронный ресурс]: http://www.sankyopegasus.co.jp/profile.html#aisatsu

вышением благосостояния народа, стал практически полностью захвачен эгоизмом... Вследствие этого значительное число сегодняшних так называемых коммерсантов стремятся только к личной выгоде и не считаются ни с отдельными людьми, ни со всем обществом... Чтобы исправить эту ситуацию во благо всего общества... необходимо прилагать все усилия, чтобы упрочить убеждение в единстве долга и выгоды"»[16].

Долг в понимании Сибусавы – это прежде всего долг перед обществом и государством. Идея предпринимательского долга была им сформулирована уже в одном из его ранних сочинений – «Основные правила биржевого заседания» («Татиаи рякусоку») (1871)[17]. Здесь Сибусава Эйити рассматривает предпринимательскую деятельность, как активность, направленную на достижение общественной пользы. Долг предпринимателя, согласно Сибусаве, состоит в том, чтобы отдать все свои силы на обогащение и процветание страны и благоденствие народа. Эта идея получила свое выражение в том, что каждый человек, в том числе и задействованный в сфере коммерции, квалифицировался им как «подданный», служащий своему государству: «...Каждый подданный Японии обязан постоянно энергично трудиться ради своей страны, не уклоняясь от опасностей и неурядиц»[18]. Конкретизацией долга каждого человека для Сибусава стал программный лозунг правительства Мэйдзи «Богатая страна, сильная армия» (*фукоку кёхэй*). В этой связи личное обогащение рассматривалось как исполнение своего долга перед государством: «Если все люди единодушно отвергнут богатых, то каким образом сможет воплотиться в жизнь идеал богатой страны и сильной армии. Личное богатство есть не что иное, как богатство страны. Отдельный человек старается не ради личного богатства, богатство должно стать достоянием государства. С утра до вечера люди трудятся ради того, чтобы, сделав государство богатым, самим достичь более высокого положения»[19].

Трактовка профессиональной деятельности как служения государству разделялась уже целым рядом конфуцианских мыслителей периода Токугава. Однако наиболее вероятно, что Сибусава воспри-

[16] *Сибусава Эйити.* Ронго то соробан («Лунь юй и счеты»). Токио, 2001. С. 104–105.

[17] См.: *Сибусава Эйити.* Татиай рякусоку (Основные правила биржевого заседания). Токио, 1992.

[18] *Сибусава Эйити.* «Ронго» коги (Лекции по «Лунь юю»). Токио, 1975. С. 417.

[19] Там же. 180.

нял ее под влиянием учения школы Мито, с которым он был знаком еще с юности. Представители этой школы, в частности Аидзава Сэйсисай (1782–1863) и Фудзита Токо (1806–1855), рассматривали каждого человека как подданного, находящегося на службе императора, и обязанного заниматься своим делом в соответствии с занимаемым положением и способностями ради умиротворения народа и поддержания спокойствия в стране. В этом и состоял его долг и проявлялась верность императору. В представлении Сибусавы объектом верности и долга был не император, а государство в целом. При этом он настаивал на том, что бизнес должен быть независим от государства.

Другим аспектом проблемы соотношения между долгом и выгодой у Сибусавы явилась формулировка «общественная польза и личная выгода едины», в соответствии с которой если личная выгода не является одновременно общественной, то она не может рассматриваться как подлинная выгода. Эта мысль полностью соответствует духу доктрины тождества личного и общественного у конфуцианского мыслителя Огю Сорая (1666–1728), созданной почти двумястами годами ранее.

В связи с этим можно привести такие слова Сибусавы Эйити: «Думать, что богатство может являться исключительно личной собственностью одного человека, есть великое заблуждение. В сущности человек не в состоянии делать что-либо в одиночку. Только благодаря государству и обществу он извлекает пользу для себя. Поскольку благодаря им человек обретает безопасность, если бы не было государства и общества, один человек не смог бы полноценно существовать в этом мире. Если задуматься над этим, то станет ясно, что чем больше становится богатство, тем больше была получена помощь со стороны общества. Поэтому в отплату за это благодеяние следует помогать обществу, выполняя свой естественный долг настолько, насколько это в ваших силах, что не менее важно, чем заниматься благотворительными общественными работами. Аналогично тому, как говорится в изречении "Если ты сам стремишься к становлению, то помогай и становлению других людей, если ты хочешь, чтобы твои дела шли хорошо, то способствуй успехам других"[20], раз чувство любви к самому себе сильно, вы должны с такой же силой любить и общество»[21].

---

[20] См.: «Лунь юй», VI, 30.

[21] *Сибусава Эйити.* «Ронго» то соробан («Лунь юй» и счеты). Токио, 2001. С. 94–95.

Почему сегодня в Японии происходит очевидное возрождение интереса к духовному наследию в контексте КСО?

На протяжении всей истории этой страны периодически происходили переосмысление и реконструкция определенных фрагментов и структурных форм традиционного мышления, относящихся к более ранним идеологическим системам в соответствии с новыми потребностями.

Сегодня национальной идеей Японии, как и многих других стран, становится построение «хорошего общества». Как показывает в своем исследовании, посвященном современной японской идентичности, социолог и политолог С.В. Чугров, большинство населения Японии полагает, что важнейшим приоритетом должно быть не просто экономическое процветание, а психологически комфортное общество, в котором фрустрирующие факторы и риски сведены до минимума, отсутствуют условия для возникновения социальных и культурных травм, процветание и социальная стабильность обеспечиваются саморегуляцией, минимизированы экологические проблемы, обеспечена личная безопасность каждого, главными ценностями считаются нравственность и умеренность (в смысле – осуждение излишней роскоши и корысти)[22]. Поэтому активное восприятие бизнесом и обществом идей КСО не случайно. Возможно, перенесение на японскую почву принципов и механизмов КСО облегчается тем, что эти новые технологии воспринимаются как продолжение собственно японской традиции. Таким образом, усвоение нового происходит, как уже не раз случалось в истории Японии, через нахождение подобного в собственном культурном арсенале, в результате чего новое и чужое становится «своим».

Помимо этого в условиях глобализации, когда нации вновь стремятся к определению своей идентичности, интерес к собственной культуре неизбежно возрастает. Возможно, концептуализация КСО в этом отношении является частным случаем этого процесса. Японцы мастерски используют западные паттерны, наполняя их своим культурным содержанием, причем происходит это достаточно гармонично. Создается впечатление, что японские нормы КСО не задаются извне, а спонтанно и гибко формулируются внутри собственного социокультурного пространства.

Несомненно, японский опыт воспитания и внедрения КСО имеет немалый интерес для многих стран мира, в том числе и для сегодняшней России.

[22] См.: *Чугров С.В.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 277–278.

ЛИТЕРАТУРА

Абэ Дайка. Буккё-но кэйэйкан ни кансуру обоэгаки. Сёбай ва боссацу-но вадза (Заметки о буддийском взгляде на предпринимательство. Коммерция – есть деяние бодхисатвы) // Кэйэйгаку ронсю (Журнал бизнес управления). Т. 49, № 4 (март 2010).

Догэн. Сёбогэндзо (Сокровищница сути истинного учения). Т. 4. Токио, 1972.

Сайтё. Кэнкайрон (Рассуждение, поясняющее заповеди) // Нихон-но мэйтё (Великие произведения Японии). Т. 3. Токио, 1984.

Сибусава Эйити. «Ронго» то соробан («Лунь юй» и счеты). Токио, 2001.

Судзуки Сёсан. Руководство в повседневной жизни для четырех сословий» («Симин нитиё»: пер. с яп.) // *Карелова Л.Б.* У истоков японской трудовой этики. История в портретах. М., 2007.

Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010.

Эдо ни манабу кигё ринри. Нихон-ни окэру CSR-но гэнрю (Этика предпринимательства, усвоенная из периода Эдо. Истоки КСО в Японии). Токио, 2006.

Global Survey of Business Ethics in Teaching, Training, and Research. Geneva, 2012.

Kamigata Declaration of Corporate Social Contributions. In Pursuit of Ambitious Corporate Management. Committee on CSR and Corporate Ethics Kansai Association of Corporate Executives (Kansai Keizai Doyukai) // www.kansaidoyukai.or.jp/.../070514CSR kigyorinri English...